



ГЛАВА 1

Алиса

Счастье можно купить. Уверена, неисправимые романтики, услышав это утверждение, закатали бы от разочарования глаза или схватились за сердце. А те, кто посмелее, плюнули бы в спину и выкрикнули вслед какое-нибудь ругательство.

Ступая по хрустящему, словно капуста, снегу, я глубоко вдыхаю морозный воздух и впервые за долгое время улыбаюсь своим мыслям.

В свете уличных фонарей кружатся снежинки. На фоне замерших, покрытых инеем, хрустальных деревьев, они кажутся живыми. Я останавливаюсь и поднимаю глаза к узкой полоске фонарного света, наблюдая за их танцем, а затем подставляю ладонь, затянутую шерстяной варежкой, и собираю крохотные крупинки, похожие на кокосовую стружку.

Мороз щиплет щеки и забирается под мою скудную одежду. Я плотнее запахиваю на шее объемный вязаный шарф и сворачиваю на широкую аллею заснеженного парка.



Малыш Хью звонко лает на проходящего мимо бродячего пса, и я вновь мысленно возвращаюсь к своему неожиданному открытию: счастье можно купить!

Потому что питомец — это и есть счастье! «А вы про что подумали?» — про себя успокаиваю тех самых неисправимых романтиков и слышу их вздох облегчения.

В моих руках три поводка. Да, мне приходится подрабатывать, гуляя с чужими собаками, но мне нравится эта работа, как никакая другая.

Самый маленький и подвижный — щенок мальтийской болонки Хью Грант. Белоснежный пушистый комок с черными глазками-бусинками в модном джинсовом пальто принадлежит Антонине Викторовне, врачу терапевтического отделения областной больницы.

Тойтерьер Вилли — взрослый, степенный песик в болоньевой зеленой курточке скрашивает одиночество своей пожилой хозяйки Нины Алексеевны — профессора университета на пенсии.

И наконец, французский бульдог Джесси — общительный, подвижный пес, — живет в молодой семье Оксаны и Леонида Дубровиных. У этих ребят ответственная работа и суточные дежурства, поэтому в их отсутствие Джесси остается на моем попечении.

Снег засыпает пустеющие тротуары парка, мягко выюжит между одиноко стоящими лавочками и декоративными хвойными кустарниками.

6 Прохожие приподнимают воротники выше, зяб-

ко кутаются в шарфы, торопясь попасть в уютную атмосферу семейного очага. Размышления об этом отдают тупой болью в сердце. С недавних пор у меня нет уютного дома... После смерти мамы назвать кирпичные холодные стены своего жилища домом у меня не поворачивается язык.

Хорошее настроение испаряется подобно морозному облачку. Я топаю по темной аллее, крепко держа поводки полюбившихся мне животных, и представляю себя участницей подстроенного квеста или скандального телешоу для домохозяек. Как в фильме «Игра» с Майклом Дугласом, не иначе!

— А теперь встречайте Алису-у-у!!! — громко тянет ведущий.

— Алиса, расскажите, каково это — быть неудачницей? Получать удары судьбы раз за разом?

Лица телезрителей застывают от удивления, они напряженно сверлят меня взглядами, в которых нет сочувствия и жалости, лишь жажда сенсации...

— Я...я... — виновато бормочу я, судорожно подбирая в голове слова оправдания.

Сую руку в карман и нащупываю ключи от квартиры Дубровиных. Пора возвращаться домой, пока лезущие в голову дурацкие мысли не свели меня с ума!

* * *

Мы с мамой жили в Снегиреве, поселке недалеко от города. Снегирево прозвали рябиновым раем. Полвека назад местный предприниматель



Игорь Скороходов вырастил на колхозных полях рябиновый сад. Чуть позже вокруг деревьев построили здание небольшого винно-водочного завода. Его фирменный продукт, рябиновую настойку, ценили во многих регионах России и даже за рубежом.

Моя мама, Марина Тимофеевна Легенда, работала главным бухгалтером на другом, хлебопечкарном заводе, или «маковке», как его называли в простонародье. Уж больно вкусные там пекли маковые булочки.

Его белое обшарпанное четырехэтажное здание находилось недалеко от нашего дома. С одной стороны высокого металлического забора ленивые работники отогнули лист железа, что позволяло мне ходить домой коротким путем. После школы я любила забегать к маме на работу, пользуясь дыркой в заборе, вдыхать ванильный запах свежей выпечки, разносящийся на добрые десятки метров вокруг. Мама угощала меня вкусной булочкой, целовала в нос и провожала до перекрестка с улицей Саврасова — прямо за ним высилось здание художественной школы.

«До вечера, Лиса!» — улыбалась мама и махала мне вслед рукой. Именно такой я ее и помню: красивой кареглазой брюнеткой с цветастым платком на плечах и в свитере ручной вязки.

Мама берегла каждую копейку, чтобы обеспечить меня всем необходимым: одевалась я не хуже сверстников, много читала и ходила в художественную школу.

К выпускному классу мой фирменный ро-счерк «Легенда» с завитушкой над последней буквой «а» вошел в сотню рисунков, украшающих стены местного ДДТ и сельсовета.

Мое счастливое детство не омрачалось отсутствием папы. На вопросы о нем мама отвечала уклончиво, говорила, что папа погиб в горной экспедиции. Я хотела знать больше, но мама закрывалась в себе, оставляла меня без ответа. Со временем расспросы о папе прекратились.

Моим единственным близким человеком после мамы была моя тетья — мамина старшая сестра Глафира Тимофеевна Карташова. Тетья Глаша жила в уютном спальном районе города. Ее муж, капитан полиции Петр Карташов, погиб при исполнении много лет назад. Второй раз замуж она так и не вышла, хотя женщиной была красивой и умной. Она посвятила себя работе и нам с мамой.

Я поступила в Институт живописи, скульптуры и архитектуры на бюджетное отделение уже после того, как моя мама заболела. На поступлении настояла она, убеждая меня, как аргумент приводя слова Конфуция: «Три вещи нельзя вернуть: время, слово, возможность. Не упускай возможность, Лиса!»

Я восхищалась оптимизмом мамы. Приговор онколога не подкосил ее веру в выздоровление, она аккуратно выполняла врачебные рекомендации и продолжала работать на заводе. Но частенько я слышала, как мама стонет и плачет по



ночам. Я сходила с ума от такой несправедливости и собственного отчаяния.

Мир перестал видаться таким ярким и удивительным, как раньше, он поблек, и во мне что-то словно сломалось. Казалось, я медленно высыхаю, умираю вместе с мамой. «Рябиновый рай» больше не вдохновлял меня своим великолепием: я возненавидела ярко-красные рябиновые грозди, припорошенные искрящимся белым серебром. Хотелось выбросить все картины с зимними пейзажами, благодаря которым меня приняли на факультет живописи. Ужасающая реальность растоптала меня, превратила в капризную слабачку, постоянно жалеющую себя. Мне стало стыдно перед мамой...

Я обратила свое отчаяние в несокрушимую веру, а уныние — в радость, я улыбалась ради мамы, строила планы на будущее, которому не суждено было быть... Я читала маме вслух стихи и ее любимые романы Агаты Кристи, а она слушала с неизменно спокойным и добрым лицом, сосредоточенным на чем угодно, только не на болезни.

Мамы не стало год назад. Через месяц после ее смерти у тети Глаши случился инфаркт.

— Да, вы правы, господа телезрители, последний год моей жизни выдался адски сложным!

Я сжимаю кулаки от злости на судьбу и удивляюсь собственной решимости: тетя в больнице четвертый раз, но я сделаю все, чтобы не потерять ее. Буду пахать как проклятая и бороться

ся с этим несправедливым миром! Другого не дано — одержу победу или сломаюсь! «Так что выкусите, господа телезрители!» — добавляю я мысленно.

А еще... я хочу узнать все о смерти папы. Он снится мне. Разговаривает, улыбается, касается меня во сне, протягивая между нами невидимые нити привязанности. С наступлением утра сон рассеивается, унося воспоминания о наших разговорах прочь... В мир мертвых... Желание узнать о таинственной экспедиции привело меня в архив областного Министерства обороны. Что я могла там найти? Официальную версию, указанную в документах папы: «Пропал без вести в чрезвычайной ситуации природного характера — обвал льда и камнепад». Не знаю, по какой причине, но пожилая женщина-архивариус Зоя Тихоновна сжалилась надо мной и дала (по большому секрету) номер телефона председателя областной организации Союза генералов — Георгия Константиновича. По ее словам, генерал Вдовин двадцать лет назад служил в Грузии и может что-то знать. Георгий Константинович оказался легендарным человеком — ветеран боевых действий, заслуженный юрист России, он проходил службу в главном управлении Генеральной прокуратуры на Северном Кавказе, управлении Генеральной прокуратуры РФ в Южном федеральном округе с 1999 по 2004 год. Как раз в тот период, когда пропал мой папа! Георгий Константинович выслушал просьбу по телефону, записал фамилию и пообещал позво-



нить в ближайшие дни. Но прошла почти неделя...

Выхожу из парка и сворачиваю на улицу Федосеева. Ну и пусть! Я буду обивать пороги других учреждений, но не прекращу поисков информации. Шагаю по хрустящему снегу, любуюсь сверкающими самоцветами-снежинками.

Я научусь снова радоваться жизни... Обещаю... Ради мамы, папы и тети Глаши. Ради себя... В тот момент, когда я говорю себе эти заветные слова, как по волшебству, оживает телефон:

— Да, — отвечаю я, крепче сжимая поводки в руках.

— Добрый вечер, Алиса Ильинична, это генерал Вдовин. Помните такого? — Еще бы! Последнюю неделю я только о вас и думаю, товарищ генерал!

— Конечно, Георгий Константинович. Слушаю вас, — заглушая в голосе ликование, отвечаю я.

— Алиса, в метеорологических сводках нет сведений о лавине или камнепаде. В день, когда погиб ваш папа, была ясная погода.

— Вы уверены?

На том конце провода слышатся шуршание страничек и покашливание.

— Простите... Я еще не отошел от простуды, — извиняется генерал Вдовин. — Расскажу вам, как это было. В то время я служил на грузинской границе. В ущельях со сложным рельефом и низкой облачностью частенько случались

камнепады или сход лавин. Безопасность лично-го состава была на первом месте. Поэтому све-дения об изменениях погоды приходили каждые два часа.

— Эм-м... Значит, во всех без исключения сводках предупреждения о лавине не было? — Я останавливаюсь под фонарем, тупо уставив-шись на сливовое, затянутое морозным туманом небо.

Как же так, а? Выходит, мой папа, как и дру-гие члены экспедиции, погибли по другой при-чине?

— Алиса, вы сможете приехать ко мне? Я от-дам материалы, и вы увидите все своими глаза-ми, — предлагает генерал Вдовин.

— А почему тогда официальная версия смер-ти экспедиторов...

— Не могу знать. Причиной указана несущ-ествующая лавина. Пресс-службы это и напи-сали... Приезжайте. А я подумаю, как помочь вам.

Заговор! Военная тайна! Убийство! Я завер-шаю вызов, задыхаясь от собственных догадок. Мысли бешено скачут в голове. Кто приказал на-писать про лавину? И, главное, зачем?

Морозный воздух щиплет щеки, и я решаю сократить путь, пройдя через длинную темную арку. Мне срочно нужно домой — унять волнение и привести в порядок шальные мысли. Нырять в объятия арки и... меня ослепляют ярко-оранже-вые фары вылетевшего из нее автомобиля...



Богдан

Я становлюсь на одно колено, и оно утопает в длинном ворсе черно-белого ковра со сложным геометрическим рисунком.

— Аллочка, я много лет мечтал о тебе, и теперь, когда мы вместе, я ловлю себя на мысли, что это сон... Я хочу просыпаться рядом с тобой, хочу делать тебя счастливой, делить с тобой горе и радость...

— Богданчик, вставай, ну что ты устроил? — Мои взволнованные заранее выученные излияния прерывает Римма Сергеевна, мама Аллы. — Согласна Алуня. Можно без пафоса этого обойтись... — протягивает она недовольно.

Римма Сергеевна картинно закатывает глаза и взмахивает рукой, словно пытаюсь выгнать заполнивший комнату «романтический пафос». Ее мелкие ярко-бордовые кудряшки подпрыгивают от каждого движения. Как ей удалось так бесшумно войти?

Римма Сергеевна закатывает рукава домашней ярко-голубой рубашки и по-хозяйски выхватывает из моих рук бархатный футляр с обручальным кольцом. На лицо Аллы напалзает румянец, она улавливает мой растерянный взгляд и глубоко вздыхает: перед авторитетом матери она бессильна...

— Аллочка, давай примерим, — предлагает Римма Сергеевна. Она поддевает колечко упитанным пальцем с длинным ярко-оранжевым ногтем и протягивает Алле.

Я наблюдаю странную картину, нелепую до абсурда: мать надевает кольцо на палец дочери вместо меня. Лицо моей невесты преображается от восторга при виде украшения, она вмиг сбрасывает с себя неловкость и стеснение, вытягивает руку вперед, шаловливо играя пальчиками.

— Красивое колечко, да, мам? — с надеждой в голосе спрашивает она. Римма Сергеевна одобрительно кивает, оценивая размер камня. Ее небольшие карие глаза придирчиво сужаются, сканируя взглядом аккуратный бриллиант.

Наблюдая за восторженными лицами близких мне женщин, я успокаиваюсь: пускай все пошло немного не по плану, важно только то, что мы поженимся.

Римма Сергеевна с досадой смотрит на старинные настенные часы, отдает коробочку Аллочке и медленно поднимается с места.

— Поздравляю вас, дети мои! — гортанно протягивает она. — Не могу уделить вам больше времени, сейчас придет ученик.

Она маневрирует между пузатыми синими креслами к стоящему в углу пианино, открывает крышку и пробегается пальцами по клавишам. Звучит марш Мендельсона.

Алла вскакивает с места, не в силах справиться с переполняющими ее чувствами, и бросается в мои объятия. Я люблю ее! Я столько времени ждал ее взаимности и одобрения родителей (особенно ее мамы), что реальность кажется видением.

